

**Ф. П. Делекторский**

**Критико-библиографический  
обзор древнерусских сказаний  
о Флорентийской унии**

**Москва  
Книга по Требованию**

УДК 304  
ББК 60.5

**Ф. П. Делекторский**

Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии / Ф. П. Делекторский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 56 с.

**ISBN 978-5-4241-5555-0**

Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Июль 1895.

**ISBN 978-5-4241-5555-0**

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



писаше пренія святительская съ папою<sup>1)</sup>). Но особенно въ этомъ отношеніи замѣчательно одно мѣсто Повѣсти, гдѣ авторъ, начавши было описывать Флоренцію, съ поспѣшностію оговаривается: „и того всего не могу исписати, но се о сборѣ пишу“<sup>2)</sup>). Что касается самого Авраамія, то онъ также взялъ на себя трудъ описывать особенно поражавшія его диковины, помогая своимъ книжнымъ спутникамъ. Къ сожалѣнію, изъ подобныхъ записей, которыя, вѣроятно, составляли одно цѣлое подъ общимъ заглавіемъ: „Исхоженіе Авраамія суздальскаго на осмый соборъ съ митрополитомъ Исидоромъ въ лѣто 6945“, сохранился до нашего времени одинъ только отрывокъ. Этотъ отрывокъ посвященъ описанію сценическаго представленія Благовѣщенія Пресвятой Богородицы въ одной изъ флорентійскихъ церквей<sup>3)</sup>). Такимъ образомъ, епископъ Авраамій, іеромонахъ Симеонъ и неизвѣстный суздалецъ—предполагаемый архіерейскій дьякъ—составляли изъ себя нѣчто въ родѣ литературнаго товарищества. Такъ представляется намъ дѣло. Скажемъ прежде всего о *Путевыхъ Запискахъ неизвѣстнаго суздальца*—такъ условимся на будущее время называть дневникъ путешествія<sup>4)</sup>).

Въ неполномъ своемъ видѣ Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца были напечатаны Новиковымъ въ его Древней Россійской Вивлюенкѣ; въ первомъ изданіи Вивлюенки эти записки помѣщены въ ея IV части на стр. 293—321, а во второмъ—въ VI части на 27—48<sup>5)</sup>). Нужно здѣсь замѣтить, что въ изданіи Новикова Путевыя Записки и Повѣсть объ осьмомъ соборѣ напечатаны вмѣстѣ подъ общимъ заглавіемъ: „Путешествіе Исидора митрополита на Флорентійскій соборъ въ 6945 году“<sup>6)</sup>). Это зависѣло отъ того, что у Новикова при изданіи подъ руками былъ именно тотъ списокъ, въ которомъ Путевыя Записки и самая Повѣсть объ осьмомъ соборѣ

<sup>1)</sup> Вышеуказанное сочиненіе А. Попова, 34б.

<sup>2)</sup> Руконисъ Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 15 л.

<sup>3)</sup> А. Поповъ, 400—406.

<sup>4)</sup> Мы будемъ говорить о *Путевыхъ Запискахъ*, во первыхъ, ради полноты настоящаго обзора, а, во вторыхъ, потому, что съ этими Записками намъ придется еще имѣть дѣло впереди при объясненіи происхожденія одного историко-полемическаго сочиненія.

<sup>5)</sup> Мы будемъ цитировать *Путевыя Записки* по 2-му изданію *Древней Россійской Вивлюенки*.

<sup>6)</sup> *Древняя Россійская Вивлюенка*, ч. VI, 27.

были соединены вмѣстѣ. Издавая этотъ подлинникъ, онъ отдѣлилъ текстъ Путевыхъ Записокъ отъ стоящей за ними Повѣсти слѣдующимъ своимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ: „Здѣсь кончится журналъ митрополита Исидора; слѣдуетъ историческое описаніе сего флорентійскаго собора, и преклонность Исидора къ Римской вѣрѣ“ <sup>1)</sup>. Рукопись, которую издалъ Новиковъ въ своей Вивліоикѣ, найдена была имъ въ Синодальной библіотекѣ <sup>2)</sup>. Въ настоящее время этой рукописи, какъ кажется, не находится тамъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ А. С. Павловъ: „что касается до подлинника Новиковскаго изданія, который долженъ находиться въ Синодальной библіотекѣ, то по наличнымъ инвентарямъ мы не могли до него добраться. Указаніе Сахарова на № 329 (нынѣ 448), повторенное и въ описаніи Горскаго и Невоструева (отдѣл. II, ч. 2-я, стр. 210; ср. стр. 479), оказывается неправильнымъ: здѣсь находится только начало „Путешествія“ <sup>3)</sup>. Добавимъ отъ себя, что подобную неправильность допускаетъ и архимандритъ Леонидъ <sup>4)</sup>.

Путевыя Записки въ изданіи Ночикова начинаются такъ: „лѣта 6945 (1436) поѣхалъ Митрополитъ Сидоръ съ Москвы, на Рождество святыя Богородицы (сентября 8-го)“ <sup>5)</sup>. Москва была сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ спутниковъ Исидора и исходнымъ пунктомъ путешествія: поэтому Путевыя Записки и начинаются съ этого города; затѣмъ продолжаются до Феррары. Далѣе говорится о членахъ Феррарскаго собора, и представляется перечень соборныхъ засѣданій съ точнымъ указаніемъ мѣсяца и числа, въ которые они имѣли мѣсто. Послѣ этого описывается путь изъ Феррары во Флоренцію, куда былъ перенесенъ соборъ, и сама Флоренція; далѣе идетъ перечень соборныхъ засѣданій, и наконецъ описывается обратный путь изъ Флоренціи до Будина (Буда-Пешта). Этимъ городомъ и оканчиваются Путевыя Записки въ изданіи Новикова.

Въ рукописномъ полемическомъ сборникѣ противъ латинянъ, принадлежащемъ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, въ ряду прочихъ статей находится списокъ Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго

<sup>1)</sup> Тамъ же, ч. VI, 48.

<sup>2)</sup> Тамъ же, ч. VI, 70.

<sup>3)</sup> Вышеуказанное сочиненіе г. Павлова, 92 стр., примѣчаніе 2-е.

<sup>4)</sup> Свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ Московской Духовной Академіи. Выпускъ 2-й. Москва. 1887 г., 168.

<sup>5)</sup> Древняя Россійская Вивліоика, ч. VI, 27.

суздальца <sup>1)</sup>). Въ этомъ сборникѣ Путевыя Записки не имѣютъ никакого заглавія. Онѣ и начинаются и оканчиваются точно такъ же, какъ и Путевыя Записки изданія Новикова, то-есть, начинаются съ Москвы и оканчиваются Будиномъ. При сличеніи Путевыхъ Записокъ сборника и Новиковскаго изданія мы замѣчаемъ въ текстѣ тѣхъ и другихъ полное тожество, которое по мѣстамъ нарушается не важными вариантами. Въ сборникѣ и у Новикова въ его Вивлюеникѣ Путевыя Записки не имѣютъ конца; онѣ оканчиваются городомъ Будиномъ—тамъ, гдѣ еще не оканчивалось обратное путешествіе изъ Италіи митрополита Исидора и его спутниковъ. Путевыя Записки въ полномъ своемъ объемѣ отъ Москвы до Флоренціи и отъ Флоренціи до Суздаля еще не изданы и находятся въ рукописи Московскаго публичнаго музея № 939, лл. 43—58, XVII вѣка. Этотъ музейскій списокъ именно въ силу своей законченности, цѣльности есть вѣрная копія оригинала Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго суздальца, который долженъ былъ описывать путешествіе отъ Москвы до Флоренціи и отъ Флоренціи до Суздаля, куда онъ и прибылъ наконецъ вмѣстѣ съ епископомъ Аврааміемъ въ четвергъ 29-го сентября 1440 г. <sup>2)</sup>). Мы слыхали этотъ музейскій списокъ съ Путевыми Записками сборника и Вивлюеники: всѣ они почти тождественны, исключая, конечно, того, что музейскій списокъ, какъ уже сказано было выше, полнѣе двухъ остальныхъ. Но чѣмъ же объяснить то обстоятельство, что Путевыя Записки по музейскому списку доводятся до Суздаля, тогда какъ Путевыя Записки Сборника и Вивлюеники оканчиваются Будиномъ? Мы на это дѣло смотримъ такъ: какой нибудь русскій книжникъ, списывая для себя Путевыя Записки, опустилъ ту ихъ заключительную часть, гдѣ описывалось путешествіе отъ Будина до Суздаля, опустилъ просто потому, что считалъ эту часть неважною и неинтересною для себя; вѣдь разнаго рода сокращенія, интерполяции, передѣлки были во вкусѣ древне-русскихъ книжниковъ. Такъ могъ получиться списокъ Путевыхъ Записокъ въ ихъ неполномъ видѣ. Дѣйствительно, въ той части Записокъ, гдѣ описывается путешествіе отъ Будина до Суздаля, нѣтъ ничего интереснаго: здѣсь

<sup>1)</sup> № 80. Сборникъ принадлежитъ XVII вѣку, писанъ крупнымъ полууставомъ въ листъ. Сборникъ содержитъ въ себѣ 35 тетрадей (счесть не по листамъ, а по тетрадамъ). Путевыя Записки въ этомъ сборникѣ занимаютъ 4—8 лл. 82-й тетради и 1—5 лл. 82-й тетради.

<sup>2)</sup> Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, л. 58.

почти исключительно указываются разстоянія одного города отъ другаго <sup>1)</sup>).

По характеру своему дневникъ неизвѣстнаго суздальца представляеть изъ себя въ точномъ смыслѣ путевыя записки, въ которыхъ вполне объективно, спокойнымъ тономъ разказывается о томъ, что видѣли русскіе на пути своемъ въ Феррару и Флоренцію и обратно, и что совершилось предъ ихъ глазами въ этихъ итальянскихъ городахъ. Въ нихъ нѣтъ и слѣда какого нибудь полемическаго задора, чувства вражды къ латинству и споспѣшникамъ уніи. Исидора авторъ Путевыхъ Записокъ называетъ официальнымъ титуломъ „Господинъ“ безъ обозначенія имени и не позволяетъ себѣ даже намека на приверженность его къ уніи. Горячіе богословскіе споры на Ферраро-флорентійскомъ соборѣ не захватывали его вниманія. Зато онъ съ чисто канцелярскою точностію перечисляетъ членовъ собора и ведетъ журналъ (указатель мѣсяцевъ и чиселъ) соборныхъ засѣданій. Заключение уніи на такихъ постыдныхъ для Восточной Церкви условіяхъ не вызываетъ въ авторѣ горькаго чувства разочарованія: онъ говорить вполне спокойно: „написаша грамоты збора ихъ, како вѣровати во святую Троицу“ <sup>2)</sup>). Нужно сознаться, что опредѣленіе Флорентійскаго собора выражено уже въ слишкомъ краткой и примитивной формѣ—совсѣмъ не по-богословски. Вообще у неизвѣстнаго суздальца удивительная выдержанность — и это въ моментъ такихъ горячихъ богословскихъ дебатовъ! Всѣ вышеуказанныя особенности Путевыхъ Записокъ вполне подтверждаютъ высказанныя нами раньше предположенія объ ихъ авторѣ. Неизвѣстный суздалецъ былъ мирянинъ; поэтому онъ естественно не знаетъ вѣроисповѣдныхъ разностей, а отсюда у него такое простодушное, нехитрое замѣчаніе объ опредѣленіи Флорентійскаго собора: „написаша грамоты збора ихъ, како вѣровати во святую Троицу“. Если дневникъ неизвѣстнаго суздальца отъ начала и до конца строго выдерживаетъ характеръ именно путевыхъ записокъ, не имѣетъ въ себѣ полемическаго элемента, то

<sup>1)</sup> Тамъ же, см. всю послѣднюю часть—отъ Будина до Суздаля,—которая начинается съ 56 л. и кончается на 58 л. Нужно здѣсь кстати замѣтить, что эта послѣдняя часть уже не упоминаетъ объ Исидорѣ, который, какъ извѣстно, замѣшался въ Литвѣ и только 19-го марта 1441 г. прибылъ въ Москву, следовательно спустя очень значительное время послѣ прибытія туда Авраамія и неизвѣстнаго суздальца. Часть свиты съ Аврааміемъ во главѣ отдѣлилась отъ Исидора, вѣроятно, еще въ Будинѣ.

<sup>2)</sup> *Древняя Россійская Визіювка*, ч. VI, 42.

это могло зависѣть отъ напередъ данной его автору программы. Симеону, какъ мы уже сказали, епископъ Авраамій поручилъ описывать соборъ, а нашему автору—главнымъ образомъ путь въ Италію, пребываніе тамъ и обратное путешествіе на Русь. Поэтому, если Симеонъ говорить про себя, что онъ не можетъ пускаться въ разнаго рода описанія и долженъ писать именно о соборѣ: „и того всего (Флоренція и ея чудеса) не могу исписати, но се о сборѣ пишу“<sup>1)</sup>, то подобное могъ сказать про себя и авторъ Путевыхъ Записокъ, именно, что онъ долженъ ограничиваться описаніемъ пути и внѣшней стороны собора и потому не можетъ касаться преній и вѣдаться въ полемику. Да еслибы и не существовало подобнаго ограниченія, неизвѣстный суздалецъ, будучи міряниномъ, не могъ интересоваться утонченными богословскими спорами на соборѣ: не его ума это дѣло. Въ отношенія вражды къ латинству мірянинъ того времени, конечно, уступалъ клирику, у котораго это чувство сильнѣе было развито уже въ силу его профессіи (ex professio): поэтому и неизвѣстный суздалецъ могъ сдерживать еще свою антипатію къ латинству и не выражать ея тамъ, гдѣ она была не у мѣста, то-есть, въ своихъ Путевыхъ Запискахъ. Наше предположеніе, что неизвѣстный суздалецъ былъ мірянинъ, подтверждается слѣдующей замѣткой дневника: „въ томъ же градѣ (Феррарѣ) ясти купихомъ, яловница 20 золотыхъ; боровъ 5 золотыхъ...; а баранъ 2 золотыхъ; гусь—три гроши, кура—три гроши...“<sup>2)</sup>. Почти невозможно предположить, чтобы такая замѣтка могла принадлежать монаху. Мясояденіе въ нашихъ полемическихъ сочиненіяхъ всегда ставилось въ укоръ латинскому монашеству и, понятно, православный инокъ, живя во „Фрязѣхъ“, не сталъ бы, конечно, покупать мяснаго. Понятно, подобная замѣтка могла принадлежать если не монаху, то кому нибудь изъ блага духовенства; но мы уже высказали раньше свое предположеніе, что авторъ путевыхъ записокъ не духовное лицо, а мірянинъ. Онъ былъ именно дьякъ: за это отъ начала и до конца ручается канцелярская точность дневника; особенно этою точностію отличается указаніе разстояній между городами, которые встрѣчались русскимъ на пути въ Италію и обратно, и журналъ соборныхъ засѣданій. За это также ясно говорить канцелярская сухость и безличность Путевыхъ Записокъ неизвѣстнаго суздальца.

Путевыя Записки возникли самымъ естественнымъ, простымъ

<sup>1)</sup> Руконисъ Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 15 л.

<sup>2)</sup> *Древняя Россійская Вислювица*, 38.—*Павловъ*, стр. 97.

способомъ: что авторъ видѣлъ и слышалъ, онъ тотчасъ записывалъ, опасаясь позабыть это видѣнное и слышанное;—записывалъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ видѣлъ и слышалъ, безъ всякой системы, держа одной строго-хронологической послѣдовательности совершавшихся предъ его глазами событій. Этому много можно найти доказательствъ въ текстѣ Путевыхъ Записокъ, но мы ограничимся однимъ особенно рельефнымъ примѣромъ: „Мѣсяца Юлія,—пишетъ авторъ,—въ 5 день збору бывшу великому, и тогда написама грамоты збора ихъ, како вѣровати во святую Троицу, и подписа папа Евгений, и царь греческій Иванъ и вси гардиналове, и митрополиты, и подписама на грамотѣхъ каждо своею рукою. *Въ томъ же градѣ видѣхомъ черви шелковыя, да и то видѣли, какъ шелкъ тотъ емлютъ съ нихъ*“<sup>1)</sup>. Записки все разрослись по мѣрѣ путешествія и окончились тамъ, гдѣ окончилось и самое путешествіе ихъ автора и епископа Авраамія, то-есть, въ Суздаль. Можно думать, что авторъ тотчасъ же, какъ пріѣхалъ въ Суздаль, обнародовалъ свои записки, не теряя времени на переработку ихъ въ болѣе систематическомъ порядкѣ; и, дѣйствительно, слѣдовъ подобной переработки вовсе незамѣтно въ его Запискахъ. Если авторъ прибылъ въ Суздаль 29-го сентября 1440 года<sup>2)</sup>, то онъ еще въ томъ же году могъ пустить свои Записки въ свѣтъ, удовлетворяя тѣмъ самымъ любопытству суздальскихъ и вообще русскихъ книжниковъ, весьма естественно сильно заинтересованныхъ путешествіемъ русскихъ людей въ столь отдаленныя, неизвѣстныя страны. Итакъ, съ вѣроятностію предполагаемъ, что въ 1440—1441 годахъ Путевыя Записки неизвѣстнаго суздальца впервые увидѣли свѣтъ.

Скажемъ теперь о сочиненіи іеромонаха Симеона — также суздальца. Мы уже видѣли, что Симеону было поручено описывать Ферраро-флорентійскій соборъ. Онъ велъ свои записки подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ; что видѣлъ и слышалъ, онъ тотчасъ же записывалъ: „писавшу мя въ той часъ (въ моментъ произнесенія) ихъ (членовъ собора) словеса и прѣвія“<sup>3)</sup>, говоритъ Симеонъ, или въ другомъ мѣстѣ: „и написахъ то все въ той часъ“<sup>4)</sup>. Если Симеонъ „писалъ словеса и прѣвія“, то онъ очевидно зналъ или греческій или латин-

<sup>1)</sup> Древняя Россійская Библиолика, ч. VI, 42—43.

<sup>2)</sup> Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, л. 58.

<sup>3)</sup> Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, л. 9.

<sup>4)</sup> Тамъ же, л. 12.

скій языкъ: на соборѣ, какъ извѣстно, рѣчи восточныхъ отцовъ были переводимы особыми толмачами на латинскій языкъ, а рѣчи западныхъ—на греческій языкъ <sup>1)</sup>. Симеонъ, дѣйствительно, зналъ греческій языкъ <sup>2)</sup>, но, впрочемъ, не настолько, чтобы всегда хорошо понимать смыслъ греческой рѣчи <sup>3)</sup>. Несмотря на это, онъ, по собственнымъ словамъ, все-таки записывалъ соборныя пренія, въ результатѣ чего явились записки въ ихъ первичной формѣ. Но эти черновые наброски не были изданы Симеономъ въ свѣтъ по возвращеніи его на Русь. Впослѣдствіи, находясь въ Великомъ Новгородѣ, Симеонъ обработалъ свои записки, редактировалъ ихъ и придалъ имъ форму цѣльной, связной повѣсти: „мнѣ же Симеону, говоритъ онъ, по благословенію святаго Марка ефесскаго, дошедшу ми святаго владыки Евфимія богоспасаемаго Великаго Новгорода, *стисахъ сія, яже видѣхъ и слышахъ*, како во фряской земли во градѣ Флорентіи, и како на русской землѣ и на Москвѣ, тамо начало злу бывшу греческимъ царемъ Иваномъ и греки сребролюбцы и митрополиты, здѣ же на Москвѣ утвердися православіемъ русская земля христіюлюбивымъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ“ <sup>4)</sup>. Въ этой повѣсти, судя по только приведеннымъ словамъ Симеона, должно было заключиться не только описаніе Флорентійскаго собора, основанное на первоначальныхъ записяхъ, но и еще разказъ о томъ, какъ „на Москвѣ утвердися православіемъ русская земля христіюлюбивымъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ“. Это послѣднее извѣстіе могло быть основано не на первоначальныхъ записяхъ, какъ описаніе Флорентійскаго собора, а просто на личныхъ воспоминаніяхъ автора, пережившаго эту знаменательную эпоху. Далѣе, если повѣсть была составлена при новгородскомъ владыкѣ Евфиміи (разумѣется Евфимій II), какъ утверждаетъ Симеонъ, то во всякомъ случаѣ не позднѣе 10—11-го марта 1458 года, когда скончался этотъ святитель <sup>5)</sup>. Признавая, что повѣсть Симеона явилась не позднѣе 10—11-го марта 1458 года, мы въ то же время должны признать, что она составлена не

<sup>1)</sup> Исторія Флорентійскаго собора, Москва, 1847 г., 75.

<sup>2)</sup> Ручонисъ Московскаго Публичнаго Музея, № 939, л. 12.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

<sup>4)</sup> Тамъ же, л. 9.

<sup>5)</sup> По Новгородской 4-й лѣтописи Евфимій скончался 10-го марта 1458 года, Полное Собраніе Лѣтописей, т. IV, 1848 года, 127; а по Новгородской 3-й лѣтописи—11-го марта того же года, Полное Собраніе Лѣтописей, т. III, 1841 года, 241.

тотчасъ послѣ осужденія Исидора, а спустя значительное время послѣ этого событія. Есть одно выраженіе въ Повѣсти, заставляющее насъ такъ думать: авторъ, говоря о великомъ князѣ, замѣчаетъ, что онъ „въ та времена“ (времена осужденія Исидора) былъ еще молодъ <sup>1)</sup>. Нѣкоторыя обстоятельства не позволяли Симеону составить Повѣсть тотчасъ по возвращеніи своемъ на Русь. Объ этихъ обстоятельствахъ онъ самъ рассказываетъ въ своей повѣсти. „И мнѣ съ нимъ (Исидоромъ), говоритъ Симеонъ, о томъ (латинофильствѣ Исидора) много глаголющу, и ему меня многожды имавшу и державшу въ крѣпости; мнѣ же видѣвшу такую неправду и великую ересь, побѣгшу (на обратномъ пути) ми изъ Венецыя, и послу побѣгшу Ѳомѣ, а мнѣ съ нимъ, на память святыя Анны, егда зачатъ святую Богородицу, декабря въ 9-й день (1439 года), а къ Новгороду прибѣгшу ми въ великую среду (1440 года), и пребывшу ми лѣто все у великаго святителя у Владыки Евфимія новгородскаго“ <sup>2)</sup>. Все это лѣто Симеонъ только отдыхалъ подъ гостеприимнымъ кровомъ Евфимія отъ тревоженій своего долгаго пути: ему было некогда составлять повѣсть. Поживи онъ подольше, онъ, можетъ быть, и составилъ бы ее, но тутъ вскорѣ случились обстоятельства, очень непріятныя для нашего автора. Нужно прежде всего сказать, что въ то время, какъ Симеонъ прибылъ въ Новгородъ, здѣсь уже проживалъ литовскій выходецъ князь Юрій Семеновичъ православной вѣры, сынъ Лугвенія-Симеона Ольгердовича <sup>3)</sup>. Симеонъ, какъ кажется, очень хорошо сошелся съ княземъ Юріемъ, рассказывалъ ему про унію, про то, какія „неправедныя поношенія и укоръ“ потерпѣли православные христіане <sup>4)</sup>. Лѣтомъ 1441 года „князь Юрій

<sup>1)</sup> Руконисъ Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 20 л.

<sup>2)</sup> Съ перваго раза можно подумать, что Симеонъ написалъ свою повѣсть въ это именно лѣто 1440 года. Эту мысль какъ бы подтверждаютъ слѣдующія слова самого Симеона: „Мнѣ же Симеону, по благословенію сятаго Марка ефесскаго, дошедшу ми сятаго владыки Евфимія богоспасаемаго Великаго Новгорода, спихахъ сія, яже видѣхъ и слышахъ“ (Руконисъ Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 9 л.). Но это предположеніе совсѣмъ несостоятельно: какимъ образомъ Симеонъ въ повѣсти, составленной лѣтомъ 1440 года, могъ говорить о прибытіи Исидора въ Москву (тамъ же, 19—20 л.), что имѣло мѣсто 19-го марта 1441 года? Только-что приведенныя слова Симеона необходимо понимать въ смыслѣ втораго позднѣйшаго его прихода въ Новгородъ, о чемъ будетъ сказано впоследствии.

<sup>3)</sup> Новгородская первая лѣтописъ, Полное Собраніе Лѣтописей, т. III, 1841 года, 112—113.

<sup>4)</sup> Руконисъ Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 19 л.

Семеновичъ изъ Новгорода выѣхалъ въ Литву, и князь великій Казиміръ далъ ему отчину его всю — Мстиславль и Кричевъ, и иныхъ градовъ и волостей не мало; онъ же разгордѣвся засяде Смоленскъ<sup>1)</sup>... Только что князь Юрій занялъ Смоленскъ, въ этотъ городъ, идя на Москву изъ Кіева, прибылъ митрополитъ Исидоръ<sup>2)</sup>. Отъ смоленскаго князя этотъ послѣдній узналъ, какъ Симеонъ корилъ унию и его, митрополита, узналъ, что этотъ его врагъ находится теперь въ Новгородѣ. Захватить Симеона въ свои руки было, конечно, въ интересахъ Исидора; и вотъ князь Юрій, вѣроятно, по требованію митрополита, „вопреки которому (митрополиту) онъ не смѣлъ глаголати, такъ какъ имѣлъ надъ собою область латинскую“<sup>3)</sup>, пользуясь прежнимъ своимъ хорошимъ знакомствомъ съ Симеономъ, коварно, хитростию вызываетъ его изъ Новгорода въ Смоленскъ и выдаетъ его митрополитскимъ чернецамъ, „глаголя на него много“<sup>4)</sup>. Въ Смоленскѣ Симеонъ всю зиму „сидѣлъ во двохъ желѣзѣхъ въ величій нужи, во единой свитцѣ и на босу ногу, и мразомъ, и гладомъ, и жаждою“ (томимъ). Потомъ повезли его на Москву<sup>5)</sup>, куда Исидоръ съ своими спутниками прибылъ 19-го марта 1441 года. Что было потомъ съ Симеономъ въ Москвѣ, объ этомъ мы узнаемъ уже не изъ повѣсти, а изъ житія преподобнаго Сергія пахоміевской редакціи (рукопись Синодальной Библіотеки XVI вѣка № 555, л. 154 об., — печать Московскаго изданія 1646 г., гл. 47, л. 110). Въ этомъ житіи есть извѣстіе: „о пресвитерѣ, и о мужѣхъ, бывшихъ въ латинскихъ странахъ“<sup>6)</sup>, записанное со словъ самого Симеона около 1441—1443 гг.<sup>7)</sup>. По этому извѣстію Симеонъ (онъ же пресвитеръ), послѣ осужденія Исидора, „разрѣшенъ бысть отъ веригъ желѣзныхъ, и вданъ игумену Сергіева монастыря, именемъ Зиновію, и тако привезоша его въ обитель святаго“<sup>8)</sup>. Пребываніе въ Сергіевомъ монастырѣ было

<sup>1)</sup> Новгородская первая лѣтопись, Полное Собраніе Лѣтописей, т. III, 1841 года, 118.

<sup>2)</sup> Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 989, 20 л.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

<sup>4)</sup> Тамъ же, 18—19 л.

<sup>5)</sup> Тамъ же.

<sup>6)</sup> Это извѣстіе напечатано *А. Поповымъ* въ его „Обзорѣ“ по Московскому печатному изданію 1646 года. См. 340—344.

<sup>7)</sup> Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ — *В. О. Ключевскаго*, Москва, 1871 года, 117—118.

<sup>8)</sup> „О пресвитерѣ“... „Обзорѣ“ *А. Попова*, 243.

противъ воли Симеона <sup>1)</sup>). Но это не было заточеніемъ въ собственномъ смыслѣ: Симеона, много пострадавшаго, нуждавшагося въ отдыхѣ, освободили отъ оковъ <sup>2)</sup> и отдали на попеченіе игумена Сергіева монастыря впредь до разъясненія дѣла. Можетъ быть, по какому нибудь недоразумѣнію его считали первое время сторонникомъ уніи. Это недоразумѣніе, конечно, скоро разсѣялось, тѣмъ болѣе, что и самъ Симеонъ не молчалъ: такъ братіи Сергіева монастыря онъ разказывалъ о своихъ злостраданіяхъ за православную вѣру, пріятыхъ имъ отъ Исидора <sup>3)</sup>. Особенно любопытенъ разказъ Симеона о явленіи ему преподобнаго Сергія, избавившаго его отъ одной опасности во время бѣгства изъ Венеціи на Русь <sup>4)</sup>. Въ этомъ разказѣ Симеонъ является приверженцемъ, ученикомъ славнаго борца за православіе Марка Ефесскаго; самъ преподобный Сергій, явившись во снѣ Симеону во время его бѣгства изъ Венеціи на Русь, призналъ его страдальцемъ за вѣру и уполномочилъ его передать всѣмъ православнымъ людямъ „наказаніе, отъ святаго Марка повелѣнное“. Послѣ такого разъясненія, получившаго вскорѣ самую широкую огласку, могли ли долѣе удерживать Симеона въ заточеніи, если только можно назвать заточеніемъ его пребываніе въ Сергіевомъ монастырѣ? Куда потомъ изъ этой обители отправился Симеонъ, неизвѣстно; всего естественнѣе предположить, что онъ отправился въ родной Суздаль, котораго такъ долго не видалъ онъ. Какъ бы то ни было, мы видимъ Симеона въ Новгородѣ во второй разъ. Какія-то узы соединяли Симеона съ новгородскимъ владыкой Евфиміемъ. Къ Евфимію Симеонъ направляется во время своего бѣгства изъ Венеціи на Русь; къ нему же онъ приходитъ во второй разъ, обрабатываетъ у него свои ферраро-флорентійскія записки, пишетъ повѣсть <sup>5)</sup>. Когда началось знакомство этихъ двухъ личностей, мы не знаемъ. Симеонъ могъ видѣться съ Евфиміемъ на Москвѣ, куда послѣдній былъ вызываемъ только-что прибывшимъ на митрополию Исидоромъ <sup>6)</sup>, и кромѣ того— въ Новгородѣ, гдѣ останавливался митрополитъ и его свита на пути своемъ въ Италію. Пришедши къ Евфимію во второй разъ по воз-

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Тамъ же, 340.

<sup>4)</sup> Тамъ же, 341—343.

<sup>5)</sup> Рукопись Московскаго Публичнаго Музея, № 939, 9 л.

<sup>6)</sup> Новгородская первая лѣтопись, Полное Собраніе Лѣтописей, т. III, 1841 года, 112.